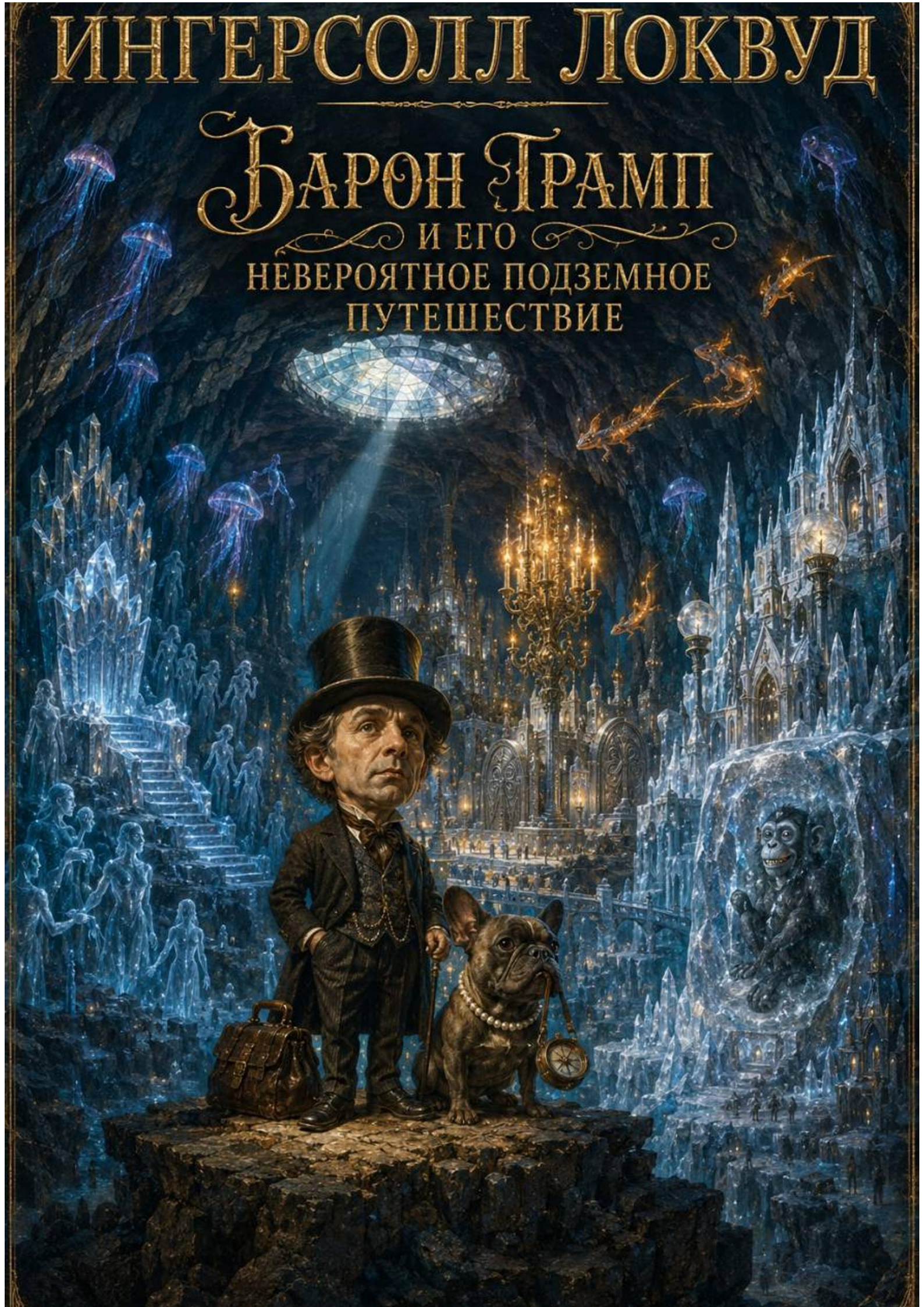

ИНГЕРСОЛЛ ЛОКВУД

БАРОН ТРАМП
И ЕГО
НЕВЕРОЯТНОЕ ПОДЗЕМНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ

Ингерсолл Локвуд

**Барон Трамп и его невероятное
подземное путешествие**

«Автор»

2026

Локвуд И.

Барон Трамп и его невероятное подземное путешествие /
И. Локвуд — «Автор», 2026

Вильгельм Генрих Себастиан фон Трумп, или просто Маленький барон Трамп, привык к тому, что его не принимают всерьёз. Малый рост и непомерно большая голова — не лучшая визитная карточка для искателя приключений. Но когда его пёс Бульгер впадает в меланхолию от скуки, барон решает: пора в путь. Так начинается путешествие, равного которому не было в викторианской литературе. От русских снегов до уральских подземелий, через земли прозрачных людей, читающих мысли, города муравьиного народа, владения Короля Холода и Страну Счастливых Забывателей — барону предстоит узнать, что истинные чудеса часто скрыты не за горами, а под ними. «Барон Трамп и его невероятное подземное путешествие» — это Жюль Верн, встретившийся со Свифтом в тёмном переулке; философская сатира, приключенческая сказка и трагикомический портрет человечества. Адаптированный для сегодняшнего читателя, роман 1889 года звучит поразительно свежо — как напоминание о том, что великие книги не стареют. Они просто ждут своего часа.

© Локвуд И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

БАРОН ТРАМП И ЕГО НЕВЕРОЯТНОЕ ПОДЗЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	7
ГЛАВА I	8
ГЛАВА II	12
ГЛАВА III	15
ГЛАВА IV	18
ГЛАВА V	21
ГЛАВА VI	24
ГЛАВА VII	29
ГЛАВА VIII	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ингерсолл Локвуд

Барон Трамп и его невероятное подземное путешествие

Об авторе

Ингерсолл Локвуд (1841–1918) — американский юрист, дипломат и писатель, оставивший после себя одно из самых причудливых литературных наследий своего времени.

Локвуд родился в Оссининге, штат Нью-Йорк, в состоятельной семье, получил блестящее образование и сделал успешную карьеру в области права. Он служил консулом США в Ганновере, вращался в политических кругах и был известен как красноречивый оратор и острый полемист. Однако подлинную — пусть и запоздалую — славу ему принесли не судебные речи, а книги.

В конце 1880-х — начале 1890-х годов Локвуд выпустил серию произведений о приключениях маленького барона Трампа и его верного пса Бульгера. Первая книга, «Странствия и приключения маленького барона Трампа и его чудесного пса Бульгера», вышла в 1889 году; за ней последовало «Невероятное подземное путешествие» (1890). Эти повести, написанные в традиции фантастических путешествий Жюль Верна, но окрашенные отчётливой свифтовской иронией, поначалу не снискали широкой известности — и оставались в тени до тех пор, пока столетие спустя причудливые совпадения имён и образов не заставили читателей взглянуть на них заново.

В 1896 году Локвуд опубликовал памфлет «1900, или Последний президент» — мрачную политическую аллегорию, в которой некий барон Трамп (уже знакомый читателю!) сеет хаос в Нью-Йорке после избрания скандального президента. Эта книга, почти забытая при жизни автора, сегодня воспринимается как один из самых загадочных текстов американской литературы.

Несмотря на всю странность своего творческого пути, Локвуд оставался прежде всего рассказчиком — и рассказчиком блестящим. Его книги полны юмора, гротеска, абсурда и неожиданной нежности; они говорят с читателем на языке сказки, но поднимают вопросы, достойные философского трактата. Именно это сочетание — детской непосредственности и взрослой мудрости — и делает их живыми по сей день.

От редактора

Вы держите в руках книгу, которая почти полтора столетия оставалась в тени — незамеченной, не оценённой, но оттого не менее удивительной. Впервые опубликованная в Бостоне в 1889 году, эта причудливая сказка вышла из-под пера американского юриста и писателя Ингерсолла Локвуда — человека, чьё воображение явно простиралось куда дальше стен его адвокатской конторы.

Сегодняшний читатель, возможно, знает Локвуда по его более позднему и куда более странному роману «1900, или Последний президент», где некий барон Трамп (опять эта фамилия!) устраивает хаос в Нью-Йорке. Но прежде чем стать политическим памфлетистом, Локвуд был рассказчиком — изобретательным, ироничным и не боящимся самых прихотливых сюжетных поворотов. Перед вами — лучшее тому доказательство.

Перед нами — история маленького барона с громким именем и его верного пса Бульгера, которые отправляются в путешествие сквозь полую Землю. В этом странствии им встретятся прозрачные люди, читающие сердца друг друга сквозь тела; муравьиный народ, который строит серебряные города, но никогда не видит их красоты; хладнокровные обитатели ледяного дворца, для которых тепло — смертельная угроза; и даже счастливицы, посвятившие жизнь тому, чтобы всё забыть. У каждой из этих встреч — свой привкус, своя, если угодно, мораль,

хотя Локвуд достаточно мудр, чтобы не превращать книгу в сборник нравоучений. Его оружие — не дидактика, а сатира, временами мягкая, временами — убийственно точная.

«Барон Трамп и его невероятное подземное путешествие» устроен как матрёшка: под внешней оболочкой приключенческой повести в духе Жюль Верна скрывается философская сказка в традиции Свифта, а под ней — ещё и трагикомический портрет самого человечества, каким оно предстаёт перед взглядом стороннего наблюдателя. Барон — не герой-силач и не рыцарь без страха и упрёка. Он мал ростом, но велик умом; он уязвим, но не сдаётся; он ироничен, но способен на глубокую привязанность. Его отношения с Бульгером — одна из самых трогательных линий книги: это настоящий союз равных, где четвероногий друг часто оказывается пронизательнее двуногого.

Над русским текстом этого издания была проделана серьёзная работа. Мы стремились сохранить дух и стиль оригинала — его викторианскую тяжесть и вместе с тем неожиданную лёгкость, его пафос и его самоиронию — но при этом сделать повествование доступным и живым для современного читателя. Архаичная лексика была деликатно осовременена, длинные синтаксические периоды — облегчены, а в некоторых местах, следуя духу самого Локвуда, мы позволили себе чуть больше иронии и гротеска там, где он явно напрашивался.

Эта книга — для тех, кто ценит странные истории. Для поклонников Кэрролла и Льюиса, Свифта и Гауфа, для всех, кто не боится заблудиться в лабиринтах чужой фантазии и выйти оттуда с неожиданным узнаванием: да ведь это же всё о нас.

Добро пожаловать в Мир внутри Мира. Барон Трамп и лорд Бульгер уже ждут вас.

Редакция

БАРОН ТРАМП И ЕГО НЕВЕРОЯТНОЕ ПОДЗЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Сочинение Ингерсолла Локвуда, автора книг «Странствия и приключения маленького барона Трампа и его чудесного пса Бульгера», «Удивительные деяния маленького великана Боаба и его говорящего ворона Табиба», «Необычайные похождения капитана Доппелькопа на берегах Пузырландии» и проч.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ВИЛЬГЕЛЬМЕ ГЕНРИХЕ СЕБАСТИАНЕ ФОН ТРУМПЕ, ИМЕНУЕМОМ ОБЫКНОВЕННО МАЛЕНЬКИМ БАРОНОМ ТРАМПОМ

Поскольку Фомы неверующие имеют обыкновение высказывать при каждом удобном случае, точно чёртик из табакерки, нелишним будет сразу осадить их, доказав, что барон Трамп был самым настоящим бароном, а вовсе не измышлением досужих сказочников. Род его восходит к французским гугенотам — де ла Тромп, — которые после отмены Нантского эдикта в 1685 году нашли убежище в Голландии. Там глава семьи принял имя Ван дер Трумп, подобно тому как многие другие французские протестанты переименовывали свои фамилии на голландский манер. Несколько лет спустя, по приглашению курфюрста Бранденбургского, Никлас Ван дер Трумп поступил на службу к этому государю, приобрёл обширное поместье в провинции Померания и в очередной раз сменил имя — теперь уже на фон Трумп.

«Маленький барон», прозванный так за свой более чем скромный рост, родился приблизительно во второй половине семнадцатого столетия. Он был последним представителем рода по прямой линии, хотя его кузены и поныне принадлежат к известному померанскому дворянству. Путешествовать он начал в невероятно раннем возрасте и до того забил свой замок диковинными предметами, собранными там и сям в отдалённых уголках света, что простодушные крестьяне стали почитать его кем-то средним между важным вельможей и магом. Отсюда и пошло множество мифов и причудливых историй об этом неутомимом скитальце. Дату его смерти невозможно установить с какой-либо точностью, однако вот что можно сказать наверняка: среди портретов померанских знаменитостей, украшающих ратушу в Штеттине, есть один, изображающий человека низкого роста, с головой, чересчур крупной для его тела. Облачён он в какой-то диковинный иноземный наряд, а в левой руке держит искусно вырезанную фигурку из слоновой кости. Его широкое лицо исполнено ума, а большие серые глаза светятся добродушным, но лукавым огоньком, неизменно привлекающим внимание. Правая рука этого человека покоится на спине собаки; пёс сидит на столе и глядит прямо перед собой с тем чувством собственного достоинства, которое недвусмысленно говорит: он знал, что позирует для портрета.

Если посетитель спросит гида, кто же это такой, то неизменно получит ответ:

— А, это Маленький барон!

Но какой именно маленький барон — вот в чём вопрос.

Отчего бы ему не быть тем самым знаменитым Вильгельмом Генрихом Себастианом фон Трумпом, которого обычно называют «маленьким бароном Трампом», и его удивительным псом Бульгером?

ГЛАВА I

БУЛЬГЕР ВЕСЬМА РАЗДРАЖЁН ФАМИЛЬЯРНОСТЬЮ ДЕРЕВЕНСКИХ СОБАК И НАГЛОСТЬЮ ДОМАШНИХ КОШЕК. — ЕГО ЗДОРОВЬЕ ОТ ЭТОГО РАССТРАИВАЕТСЯ, И ОН УМОЛЯЕТ МЕНЯ ВНОВЬ ОТПРАВИТЬСЯ В СТРАНСТВИЯ. Я ОХОТНО СОГЛАШАЮСЬ, ИБО КАК РАЗ В ЭТО ВРЕМЯ ЧИТАЛ О «МИРЕ ВНУТРИ МИРА» В ЗАПЛЕСНЕВЕЛОМ МАНУСКРИПТЕ, НАПИСАННОМ УЧЁНЫМ ДОНОМ ФУМОМ. — ПРОЩАЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ СО СТАРЫМ БАРОНОМ И МОЕЙ МАТЕРЬЮ, МИЛОСТИВЕЙШЕЙ БАРОНЕСОЙ. — ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТЪЕЗДУ.

Дорогие мои друзья, Бульгер был сам не свой. В его глазах поселился какой-то тусклый, потухший блеск, а хвост в ответ на мои слова шевелился лишь нехотя, без прежней души. Я говорю «без души», потому что всегда подозревал: другой конец бульгерова хвоста привязан прямиком к его сердцу. Appetit моего четвероногого друга пал столь же низко, как и его дух; он редко делал что-то большее, чем просто обнюхивал изысканные кушанья, которые я ставил перед ним, хоть я и пытался соблазнить его жареными куриными печёнками и подрумяненными петушиными гребешками — двумя его любимейшими лакомствами.

Было очевидно: что-то гнетёт его, но мне и в голову не приходило, что именно; ведь, честно говоря, это «что-то» оказалось тем, чего я меньше всего ожидал.

Возможно, я разгадал бы загадку раньше, если бы не был в то время чрезвычайно занят — настолько занят, что почти не обращал внимания ни на кого, даже на моего дорогого четвероногого молочного брата. Как вы, должно быть, помните, друзья мои, ум у меня весьма деятельный; и уж если я чем-то увлекусь, замок Трампов может заняться огнём и польхаться до тех пор, пока ножки моего стула не обуглятся, а я и тогда не замечу ни шума, ни суматохи, ни даже запаха дыма.

Так вышло, что как раз в пору бульгеровой хандры старый барон, благодаря любезности своего давнего школьного друга, стал обладателем манускрипта пятнадцатого века, вышедшего

из-под пера не менее прославленного мыслителя и философа, чем учёный испанец дон Константино Бартоломео Стрефолофидегуанериусфум, известный в кругу учёных мужей просто как дон Фум. Назывался сей труд «Мир внутри Мира». В своей работе дон Фум выдвигал поразительную теорию: есть все основания полагать, что внутренность нашего земного шара обитаема; что, как хорошо известно, это громадное тело Земли вовсе не сплошное, а, напротив, во многих местах довольно полое; и что бессчётные века назад на её поверхности происходили ужасные катаклизмы, которые и вынудили обитателей искать убежища в этих самых обширных подземных полостях — столь обширных, что они вполне заслуживают названия «Мир внутри Мира».

Эта книга, с её истрёпанными, рваными, пожелтевшими от времени страницами, источавшими аромат сводчатого склепа и источенного червями сундука, приобрела надо мной какую-то колдовскую власть. Весь день напролёт, а часто и далеко за полночь я корпел над её заплесневелыми листами, начисто забывая об этом надземном мире. Мысленным своим лотом я промерял подземные бездны, а оком и слухом воображения посещал их, взирая на тамошних обитателей и внимая им.

Пока я был столь увлечён, излюбленным местом Бульгера была причудливо расшитая кожаная подушка, привезённая мною с Востока в одном из странствий. Она лежала на краю моего рабочего стола, что поближе к окну. С этого наблюдательного пункта Бульгеру открывался полный вид на парк, террасу и подъездную аллею, ведущую к портику замка. Ничто не ускользало от его зоркого взгляда. Здесь он сидел час за часом, развлекая себя тем, что подмечал приходы и уходы самого разного люда — от коробейников с побрякушками до самых знатных особ графства. Однажды моё внимание привлёк его внезапный прыжок с подушки и низкое, недовольное рычание. Я не придавал этому значения, но, к моему удивлению, на следующий день почти в тот же час это повторилось.

Тут уж моё любопытство было по-настоящему задето. Отложив заплесневелый манускрипт дона Фума, я поспешил к окну — узнать причину бульгерова раздражения.

И тайное тут же стало явным! Внизу стояло полдюжины дворняг, принадлежавших арендаторам баронских земель; они заглядывали в окно и своим лаем и ужимками всячески старались выманить Бульгера на улицу, чтобы вволю с ним порезвиться. Друзья мои, стоит ли уверять вас, что подобная фамильярность была чрезвычайно противна Бульгеру? Их наглость перешла ту грань, что он мог вытерпеть. Позвонив в колокольчик, я велел слуге прогнать их прочь. После этого Бульгер соизволил вернуться на своё место у окна.

На следующее утро, едва я устроился поудобнее, предвкушая долгое и славное чтение, как меня буквально огорошил Бульгер: он вихрем ворвался в комнату, глаза его метали молнии, а зубы обнажились в гневе. Вцепившись в полу моего халата, он с изрядной свирепостью рванул её на себя, что должно было означать: «Отложи-ка книгу, маленький хозяин, и следуй за мной».

Я так и поступил. Он провёл меня вниз по лестнице, через холл в столовую, и тут его новое недовольство сделалось мне до боли очевидным. Вокруг его серебряной тарелочки для завтрака расселась старая полосатая кошка с четырьмя котятами; все они преспокойно вылизывали и лакали его завтрак. Задрав голову и глядя мне в лицо, он издал резкий, жалобный вой, который словно бы говорил: «Вот, маленький хозяин, полюбуйся. Разве этого недостаточно, чтобы возмутить терпение святого? Можешь ли ты удивляться, что я несчастлив, когда со мной приключаются все эти отвратительные вещи? Уверяю тебя, маленький хозяин, это свыше того, что могут вынести плоть и кровь».

Я и сам так подумал и сделал всё, что было в моих силах, дабы утешить моего несчастного маленького друга; но каково же было моё изумление, когда, вернувшись в свою комнату и велев ему занять место на подушке, я увидел, что он отказывается повиноваться.

Это было нечто из ряда вон выходящее и заставило меня призадуматься. Заметив это, он радостно гавкнул, а затем опрометью бросился в мою спальню. Он отсутствовал несколько минут, а потом вернулся, неся в зубах пару восточных туфель, которые и сложил у моих ног. Он исчезал снова и снова, всякий раз возвращаясь с каким-нибудь предметом одежды в пасти. Спустя несколько мгновений он разложил на полу перед моими глазами полный восточный костюм; и вы не поверите, дорогие друзья, но это был тот самый наряд, который я носил во время моих последних скитаний по далёким странам, когда мы с ним потерпели крушение у острова Гогула, земли Круглых Тел. Что всё это значило? А вот что, уж поверьте:

«Маленький хозяин, неужели ты не можешь понять твоего дорогого Бульгера? Он устал от этого тусклого и безрадостного существования. Он утомлён растущей фамильярностью окрестных дворняг и нахальством этих кухонных кошек с их выводком. Он умоляет тебя стряхнуть с себя эту жизнь в мечтаниях и бездействии и, во имя чести Трампов, снова отправиться в путь-дорогу».

Наклонившись и обвив руками моего дорогого Бульгера, я вскричал:

— Да, теперь я понимаю тебя, верный товарищ; и обещаю тебе, что прежде чем этот месяц народится вновь, мы снова обратимся спиной к замку Трампов — прочь и вперёд, на поиски врат в дон-фумовский «Мир внутри Мира»!

Услышав эти слова, Бульгер разразился самым неистовым, самым безумным лаем, носясь туда-сюда, точно сам дух озорства внезапно вселился в его сердце. Посреди этих буйных скачек тихий стук в дверь моих покоев заставил меня крикнуть:

— Тише, тише, добрый Бульгер, кто-то стучит. Тише, говорю тебе.

Это был старый барон. С мрачной торжественностью, величавой поступью он приблизился и сел подле меня на балдахин.

— Приветствую вас, досточтимый отец! — воскликнул я, беря его руку и поднося к губам. — Я как раз собирался искать встречи с вами.

Он улыбнулся и затем произнёс:

— Ну, маленький барон, что ты думаешь о дон-фумовском «Мире внутри Мира»?

— Я думаю, милорд, — отвечал я, — что дон Фум прав: такой мир должен существовать; и с вашего позволения я намерен отправиться на поиски его врат со всей подобающей скоростью, тотчас же, как только моя дорогая матушка, милостивейшая баронесса, найдёт в своём сердце силы расстаться со мною.

Старый барон помолчал с мгновение, а затем прибавил:

— Маленький барон, сколь ни страшно будет твоей матери и мне думать, что ты вновь окажешься вне надёжной защиты этой древней кровли, чьи замшелые черепицы укрывали столько поколений Трампов, мы не должны быть эгоистами в этом деле. Боже упаси, чтобы подобная мысль подвигла наши души удерживать тебя! Честь нашей семьи, твоя слава исследователя неведомых земель в отдалённых уголках земного шара взывают к нам, требуя твёрдости сердца. Посему, мой дорогой мальчик, снаряжайся и снова отправляйся в путь на поиски новых чудес. Карта учёного дона Фума послужит тебе верным и надёжным советчиком. Помни, маленький барон, девиз Трампов: *Per Ardua ad Astra* — путь к славе усыпан ловушками и опасностями, но меня всегда будет утешать мысль, что, если твой острый разум и даст осечку, безошибочное чутьё Бульгера не оставит тебя и будет твоим проводником.

Когда я склонился, чтобы поцеловать руку старого барона, в комнату вошла милостивейшая баронесса.

Бульгер поспешил приподняться на задних лапах и лизнуть ей руку в знак почтительного приветствия. Слезы сильно напирала на её веки, но она сдержала их и, обвив мою шею любящими руками, осыпала мои щёки и лоб многими и многими поцелуями.

— Я знаю, что всё это значит, мой дорогой сын, — прошептала она с самой печальной из улыбок, — но да не скажут никогда, что Гертруда, баронесса фон Трумп, стояла на пути у сына,

готового прибавить новую славу к фамильному гербу. Ступай, ступай, маленький барон, и да вернёт тебя Небо в своё благое время целым и невредимым в наши объятия и в наши сердца.

При этих словах Бульгер, который слушал разговор, наострив уши и блестя глазами, издал один долгий радостный вой, а затем, прыгнув ко мне на колени, покрыл моё лицо поцелуями. Покончив с этим, он дал выход своему счастью в чередё оглушительных лаев и серии самых необузданных прыжков. То был один из счастливейших и самых гордых дней в его жизни, ибо он чувствовал, что приложил немалое влияние, дабы довести мою решимость снова пуститься в странствия до точки кипения.

И вот уж по коридорам замка разнёсся топот спешащих ног и громкий ропот встревоженных голосов, и со всех сторон, то снаружи, то изнутри, до меня доносился крик, производимый то шёпотом, то вслух:

— Маленький барон снова снаряжается в дорогу, покидает дом!

Бульгер бегал туда и сюда, надзирая за всем, беря на заметку все приготовления, и я слышал, как его радостный лай раздавался всякий раз, когда какой-нибудь знакомый предмет, служивший мне в прежних походах, извлекался на свет божий из потаённого угла.

По двадцать раз на дню моя нежная матушка приходила в мою комнату, чтобы повторить какой-нибудь добрый совет или вновь настоять на ценном предостережении. Мне казалось, что я никогда ещё не видел её столь спокойной, столь величавой, столь достойной любви.

Она очень гордилась моим громким именем, как, впрочем, и все мужчины, женщины и дети в замке. Не унеси я ноги тогда, когда унёс, меня бы в прямом смысле задушили лаской, а Бульгера закармлили бы сладкими пирогами до смерти.

ГЛАВА II

ТАИНСТВЕННЫЕ УКАЗАНИЯ ДОНА ФУМА. — МЫ С БУЛЬГЕРОМ ОТПРАВЛЯЕМСЯ В ПЕТЕРБУРГ, А ОТТУДА В АРХАНГЕЛЬСК. — ПОВЕСТВОВАНИЕ О НАШЕМ ПУТИ ДО СЕЛЕНИЯ ИЛИЧ НА РЕКЕ ИЛИЧ. — ИВАН-ВОЗНИЦА. — КАК МЫ ПРОДВИГАЛИСЬ НА СЕВЕР В ПОИСКАХ ВРАТ В МИР ВНУТРИ МИРА. — УГРОЗА ИВАНА. — НЕДОВЕРИЕ К НЕМУ БУЛЬГЕРА И ПРОЧЕЕ В ТОМ ЖЕ РОДЕ.

Согласно манускрипту учёного дона Фума, врата в Мир внутри Мира располагались где-то на севере России, вероятнее всего — так он полагал, судя по всем признакам — где-нибудь на западном склоне Верхнего Урала. Однако великий мыслитель не мог определить их местонахождение со сколько-нибудь приемлемой точностью. «Люди подскажут тебе» — вот загадочная фраза, которая снова и снова возникала на заплесневелых страницах этого удивительного труда. «Люди подскажут тебе». Ах, но какие люди окажутся достаточно сведущими, чтобы подсказать это мне? — таков был мучительный вопрос, который я задавал себе и во сне, и наяву: на восходе солнца, в полуденный зной и на закате; при пении петуха и в безмолвные часы ночи.

«Люди подскажут тебе», — утверждал учёный дон Фум.

«Ах, но какие люди подскажут мне, где искать врата в Мир внутри Мира?»

До сих пор в своих странствиях я отдавал предпочтение полувосточному наряду — как за его живописность, так и за лёгкость и теплоту. Но теперь, когда мне предстояло на долгие месяцы пересечь всю Россию, я решил облачиться в русский национальный костюм; ибо, владея русским языком столь же свободно, как и добрым десятком других — живых и мёртвых, — я мог бы появляться повсюду, не предъявляя беспрестанно паспорт и не позволяя назойливым попутчикам то и дело нарушать течение моих мыслей. А это вещь для меня крайне важная, ведь мой ум обладал необыкновенной способностью выполнять машинально любую заданную работу, при условии что его не сбивали с пути какой-нибудь нелепой помехой. Так, однажды я был уже на самом пороге открытия вечного двигателя, когда милостивейшая баронесса внезапно распахнула дверь и осведомилась, подстриг ли я недавно ногти на больших пальцах ног, ибо она заметила, что я протёр дыры в нескольких парах моих лучших чулок.

Дело было примерно в середине февраля, когда я покинул замок Трампов; я ехал днём и ночью, чтобы добраться до Петербурга к первому марта, так как знал, что казённые обозы отправятся из столицы к Белому морю в первую неделю этого месяца. Мы с Бульгером пребывали в превосходнейшем здравии и расположении духа, и тяготы пути ничуть на нас не сказались. Едва прибыв в русскую столицу, я испросил у государя дозволения присоединиться к одному из казённых обозов, каковое было всемилостивейше даровано. Путь наш несколько дней пролегал почти строго на север, и в конце этого срока мы достигли берега Ладожского озера. Его мы пересекли по льду в санях, как, несколькими днями позже, и Онежское озеро. Оттуда вновь посуху мы продолжали свой путь, пока не достигли Онежской губы, которую также преодолели по льду, добравшись до станции того же названия; здесь мы остановились на день, чтобы дать лошадям заслуженный отдых. Отсюда напрямиком, по снежным полям, направились к Архангельску — важному торговому порту на Белом море.

Поскольку здесь находился конечный пункт казённого обоза, я, после нескольких дней приятного пребывания в казённом доме, простился с его начальником и тронулся в путь в сопровождении лишь моего верного Бульгера и двух слуг, приставленных ко мне императорским комиссаром.

Теперь мой маршрут лежал вверх по Двине до Сольвычегодска; оттуда я продолжил путь по замёрзшим водам реки Вычегды, пока мы не добрались до казённой станции Яренск, а уж оттуда держали строго на восток, покуда наши выносливые лошадки не затащили нас в живописное селение Илич на реке Илич. Здесь мы были вынуждены расстаться с санями, ибо снега

исчезли как по волшебству, открыв взору долгие просторы зелёных полей, которые майское солнце через несколько дней уже усеяло цветами и душистыми кустарничками. В Иличе мне пришлось отказаться от услуг двух верных казённых служителей, сопровождавших меня от Архангельска, ибо они достигли самой западной точки, до которой им было поручено меня сопровождать. Я очень привязался к ним, да и Бульгер тоже, и после их отъезда мы оба почувствовали себя так, словно впервые очутились среди чужих в чужом краю; но мне удалось нанять, как я думал, надёжного возницу по имени Иван, который за хорошую плату взялся доставить меня на сотню миль дальше к северу.

— Но больше ни шагу, маленький барон! — упрямо заявил этот малый.

Теперь я и впрямь находился у предгорий Северного Урала, ибо скалистые гребни и заснеженные пики были уже хорошо видны.

Я часто бросал тоскливые взоры вверх, на эти дикие края, запертые отвесными стенами и уступами, косматые и ошетилившиеся чёрными соснами, ибо тихий, таинственный голос нашептывал моему внутреннему слуху, что где-то — ах, где-то — в этой жуткой глуши однажды я набреду на врата Мира внутри Мира! Несмотря на все мои старания, Бульгер проникся бурной неприязнью к Ивану, а Иван к нему; и не будь уговор уже заключён, а деньги уплачены, я непременно искал бы себе другого возницу. И всё же это было бы неразумно: у Ивана, как я определил с первого взгляда, имелась пара превосходных лошадей, и, что более важно, он ухаживал за ними наилучшим образом — на каждой станции растирал до полной сухости и не помышлял о собственном ужине, пока не напоит и не накормит своих коняг.

Тарантас у него тоже был совсем новенький, добротнo сработанный и отлично убранный мягкими одеялами — словом, столь удобный, сколь только можно сделать повозку, у которой нет иных рессор, кроме двух длинных деревянных опор, протянутых от одной оси к другой. Правда, они обладали некоторой упругостью, но я заметил, что Бульгер не слишком-то обожал езду в этом диковинном экипаже с его громыхающе-дребезжащим ходом по горным дорогам и часто просил позволения выскочить и следовать на своих четырёх.

Наконец Иван доложил, что всё готово к отправлению; и хотя я предпочёл бы оставить Илич-на-Иличе как можно более тихо, вся деревня высыпала нас провожать. Одно только Иваново семейство — отец, мать, сёстры и братья, жена и дети, дядья, тётки да кузены дюжинами — само по себе могло бы населить целый городок. Они кричали «ура» и махали платками, Бульгер лаял, а я улыбался и приподнимал шапку со всем достоинством, подобающим Трампу. Так мы наконец и отбыли из Илича-на-Иличе: Иван — на облучке, а Бульгер и я — на заднем сиденье, тесно прижавшись друг к дружке, как и подобает двум братьям, какими мы и были: два сердца, бьющихся в унисон, и два ума, занятых единой мыслью. Грядут ли напасти или внезапные атаки, подстерегает ли скрытая опасность или дерзкий, открытый натиск — мы будем стоять вместе и вместе падём! Много-много раз, пока ивановы лошади тащились вверх по долгим горным склонам, а я, растянувшись на широком, обитом подушками сиденье тарантаса, подложив под голову скатанное одеяло, ловил себя на том, что безотчётно повторяю таинственные слова дона Фума:

«Люди подскажут тебе! Люди подскажут тебе!»

Дороги были до того круты, что в иные дни мы делали не более пяти миль, а в другие и вовсе приходилось останавливаться на несколько часов, чтобы дать Ивану перековать лошадей, смазать оси или справиться ещё какую-нибудь надобность в самой повозке или около неё. Продвижение было медленным, ах, очень медленным и утомительным, но какое значение имеют трудности, сколь бы многочисленны и велики они ни были, для человека, твёрдо решившего выполнить некое дело? Разве аисты или дикие гуси останавливаются, чтобы пересчитать тысячи миль, отделяющих их от далёкого дома, когда настаёт время повернуть клювы на юг? Разве бурые муравьи медлят подсчитать сотни тысяч песчинок, которые им предстоит

перенести сквозь длинные галереи и извилистые ходы, прежде чем они зароятся достаточно глубоко, чтобы спастись от зимней стужи?

Трампов было много, но не находилось ещё такого, который вскинул бы руки и закричал: «Сдаюсь!» — так неужто мне суждено стать первым? Никогда! Даже если бы это означало никогда больше не увидеть старый, милый замок Трампов!

Однажды поутру, когда мы зигзагами взбирались по особенно гнусному участку горной дороги, Иван внезапно обернулся и, даже не сняв шапки, вскричал:

— Маленький барон, нынче я покрываю последнюю милю из сотни. Ежели тебе угодно двигаться дальше на север, придётся нанять другого возницу; слышишь?

— Молчать! — строго сказал я, ибо этот грубиян ворвался в моё чрезвычайно важное размышление.

Бульгер тоже возмутился дерзостью мужика и зарычал, оскалив зубы.

— Но, маленький барон, внемли голосу рассудка, — продолжал тот уже более почтительным тоном, стягивая шапку. — Мои родные ждут меня обратно. Я отцу обещался... я почтительный сын... я...

— Полно, полно, Иван, — резко перебил я, — попридержи язык, пока он не повредил твоей душе. Знай же: я говорил с твоим отцом, и он посулил мне, что ты отправишься со мною и на вторую сотню миль, если будет нужда, но с тем условием, что я заплачу тебе вдвойне. Так тому и быть, а сверх того ещё и славный подарок для твоей голубушки.

— Маленький барон, жестокий ты хозяин, — захныкал мужик. — Приди тебе блажь, ты прикажешь мне прыгнуть в Колодец Великанов, лишь бы поглядеть, есть у него дно или нету. Святой Никола, спаси меня!

— Нет, Иван, — ласково произнёс я, — мне неведомо слово «жестокость», хоть я и признаю, что правота порой и кажется суровой. Но ты рождён служить, а я — повелевать. Провидение сделало тебя бедняком, а меня богачом. Мы нужны друг другу. Исполни свой долг — и ты найдёшь во мне справедливость и заботу. Ослушайся же меня — и ты увидишь, что моя короткая рука может дотянуться отсюда до самого Петербурга.

Иван побледнел при этой завуалированной угрозе, но я счёл её необходимою, ибо и я, и Бульгер уже учуяли измену и бунт в этом неотёсанном малом, единственным добрым качеством коего была любовь к лошадям; а я всегда держался в жизни правила: широко открывать глаза на то доброе, что есть в человеке, и закрывать их на его пороки. Однако, невзирая на ласковые слова и доброе обхождение, Иван делался всё мрачней и угрюмей, как только мы миновали сотую версту.

Бульгер следил за ним таким пристальным, таким глубокомысленным взглядом, что мужик прямо-таки съёживался под ним. С каждым часом он становился всё беспокойнее, а когда мы покидали придорожный трактир, я впервые за всё время с отъезда из Илича-на-Иличе заметил, что этот человек хлебнул лишку квасу. Он распустил язык и занёс руку на своих лошадей, которых до сей минуты привык осыпать ласками и ласковыми кличками.

— Присматривай за своим возницей, маленький барон, — шепнул мне трактирщик. — Он в безрассудном настроении. Не осадит, даже если Колодец Великанов разверзнется у него перед носом. Святой Никола, храни тебя!

ГЛАВА III

ИВАН СТАНОВИТСЯ ВСЁ БЕСПОКОЙНЕЕ. — БУЛЬГЕР СЛЕДИТ ЗА НИМ ВО ВСЕ ГЛАЗА. — ЕГО ТРУСЛИВОЕ НАПАДЕНИЕ НА МЕНЯ. — МОЙ ВЕРНЫЙ БУЛЬГЕР СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ. — ВОТ КОГО СТОИТ НАЗЫВАТЬ ВОЗНИЦЕЙ. — КАК МЕНЯ ДОСТАВИЛИ В БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО. — В РУКАХ СТАРОЙ ЮЛИАНЫ. — КОЛОДЕЦ ВЕЛИКАНОВ.

Когда мы остановились на ночлег, мне пришлось пригрозить малому суровой карой по возвращении в Илич, чтобы заставить его как следует вытереть лошадей, накормить и напоить их; но я стоял над ним, пока он не выполнил работу на совесть, ибо знал, что таких лошадей во всей округе не сыскать ни за какие деньги, и если они захромают, простояв с мокрыми боками на холодном ночном ветру, это может стоить нам недельной задержки.

Едва я бросился на жёсткий тюфяк, который трактирщик величал лучшей кроватью в доме, как меня разбудил громкий и буйный галдёж в соседней комнате. Иван пил и ссорился с поселянами. Я шагнул туда, и стрелы негодования летели из моих глаз, а верный Бульгер следовал за мною по пятам.

В то же мгновение, как Иван увидел нас, он отпрянул — не то в шутку, не то всерьёз — и завопил:

— Эй, гляньте на мазунчика! До чего ж расфуфырен! Прямо страх берёт! Зыркает-то как, глазищи-то в темноте так и горят! А гляньте на бесёнка четвероногого рядышком! Спасите, братцы! Спасите — скинет он меня в Колодец Великанов! Не видать мне больше Марьянку! Никогда! Спасите, братцы!

— Смирно, болван, — сурово одёрнул я его. — Как смеешь ты изощрять свой скудный ум над хозяином? Ступай спать немедленно, не то велю деревенскому старосте выпороть тебя за пьянство.

Иван вскарабкался на лежанку и растянулся на овчине; я же, обернувшись к трактирщику, строжайше запретил ему под любым предлогом подносить моему слуге ещё спиртного.

— Ах, ваше превосходительство! — воскликнул трактирщик с гримасой отвращения. — Дураки никогда не знают меры. Что им ни говори — всё без толку. А нам же и пеняют: не порть, мол, собственный промысел. Ах! не ведают, когда и остановиться. Глотки-то у них — что твой Колодец Великанов!

— Колодец Великанов! Колодец Великанов! — пробормотал я про себя, снова опускаясь на мешок с сеном, служивший тюфяком для тех, кто мог за него заплатить. Странно, до чего эти слова не сходят с языка у здешних крестьян, — но в тот раз я больше об этом не думал. Сон одолел меня, и, по обыкновению пожелав покойной ночи старому барону и милостивейшей баронессе, моей матушке, я провалился в сладкое забытё.

Хорошо, что я обладал способностью засыпать почти по собственному желанию, ибо с моим беспокойным мозгом, вечно бьющимся и пульсирующим от избытка сил, вечно стучащим в тонкие костяные панели своей темницы, точно заточённый изобретатель, колотящий в дверь камеры и умоляющий выпустить его к свету дня со всеми его планами и замыслами, — я бы попросту спятил.

Но умел я одним лишь усилием мысли призвать сладкую дрёму на помощь, и до того послушен был этот мой добрый ангел, что мне стоило лишь задать час, в который я желаю пробудиться, — и дело исполнялось минута в минуту.

Что до Бульгера, я никогда не брался предписывать ему правил. Он взял за обыкновение урывать сорок минут сна, лишь убедившись, что мне не грозит решительно никакая опасность, и даже тогда — я, признаться, почти уверен, — словно тревожная мать над младенцем, он никогда не закрывал оба глаза разом.

Хотя к рассвету Иван начисто протрезвел, за дело запряжки он принялся с таким худо скрытым недовольством, что я вынужден был несколько раз одёрнуть его, прежде чем мы покинули двор трактира. Он походил на злобное, но трусливое животное, которое трепещет под твёрдым, пристальным взглядом, но лишь выжидает случая наброситься на тебя, едва ты повернёшься спиной.

Я не только обратил внимание Бульгера на повадки этого малого и велел ему быть начеку, но и принял предосторожность: проверил запал у пары испанских пистолетов, что носил заткнутыми за пояс.

Едва мы выкатили на большую дорогу, как низкое рычание Бульгера вывело меня из глубокой задумчивости; за рычанием последовал столь тревожный скулёж моего четвероногого брата, в то время как он поднял на меня свои говорящие глаза, что я поспешно огляделся по сторонам.

И что же я узрел! Вероломный Иван хладнокровно и обдуманно пытался опрокинуть тарантас, чтобы избавиться от навязанной ему обязанности везти нас дальше.

— Мерзавец! — вскричал я, вскакивая и хватая его за плечо. — Я отлично вижу, что у тебя на уме, но предупреждаю самым серьёзным образом: если ты сделаешь ещё одну попытку опрокинуть повозку, я уложу тебя на месте.

Вместо ответа, с молниеносной быстротой он наотмашь ударил меня тяжёлой рукоятью кнута.

Удар пришёлся прямо в правый висок, и я рухнул на дно тарантаса, точно кусок свинца.

На миг страшный удар лишил меня чувств, но затем я увидел, что трусливый негодяй уже развернулся на облучке и занёс кнутовище для второго, верного удара, вознамерившись прикончить меня.

Глупец! Просчитался он, не взяв в расчёт главного: с воплем ярости Бульгер прыгнул ему на горло, словно камень из катапульты, и глубоко вонзил зубы в его плоть.

Тот взревел от боли и попытался стряхнуть неожиданного противника, но тщетно.

К этому времени я уже полностью осознал, в какой страшной опасности мы оба с Бульгером очутились, ибо Иван выронил кнут и потянулся к ножу.

Но рукояти он так и не схватил: меткий выстрел из одного моего пистолета угодил ему в предплечье — я вовсе не желал лишать его жизни — и перебил руку.

Боль и потрясение сковали мерзавца; он повалился на передок, почти теряя сознание, а затем и вовсе выкатился из повозки, увлекая за собой Бульгера. Лошади принялись вздыматься на дыбы и метаться. Больше я ничего не видел. В ушах у меня зашумело, будто от грохота разъярённых вод, а затем свет жизни и вовсе померк в моих глазах. Я потерял сознание.

Мне показалось, что я пролежал так, на спине, на дне тарантаса, свесив голову за борт, долгие часы, хотя на деле — лишь несколько минут. В чувство меня привело покалывание в левой щеке, и, медленно приходя в себя, я обнаружил, что покалывание это — от гравия, летящего из-под переднего колеса, ибо лошади неслись во весь опор, а там, на облучке возницы, сидел мой верный Бульгер; вожжи в зубах, он упёрся, натягивая их поверх спин скакунов; и когда я приподнялся и прижал ладонь к моей бедной, ушибленной голове, вся истина разом открылась мне:

В то мгновение, когда Иван ударился оземь, Бульгер отпустил горло негодяя и, прежде чем тот успел опомниться, прыгнул на облучок, перехватил зубами вожжи, натянул их и тем положил конец метаниям перепуганных лошадей, пустив их вскачь; разъярённый же Иван остался позади, размахивая ножом и изрыгая проклятия на мою и бульгерову голову, глядя, как его лошади и повозка исчезают вдали. Тут до слуха моего донеслись безумные крики, и я заметил с полдюжины крестьян, которые, видя, как этот — по их мнению, пустой — тарантас всё ближе и ближе несётся на них галопом, побросали работу и выбежали наперерез.

Представьте же себе их изумление, дорогие друзья, когда их взгляд упал на спокойного и умелого возницу, который, упёршись на передке и то и дело вскидывая голову, понуждал лошадей мчать его любимого хозяина всё дальше и дальше от ножа предателя Ивана.

Когда крестьяне схватили животных под уздцы и остановили повозку, я, пошатываясь, поднялся и обвил руками моего дорогого Бульгера. Он был более чем доволен своим поступком и лизал мой ушибленный лоб, издавая жалостные стоны.

— Святой Никола, спаси нас! — вскричал один из крестьян, истово осеняя себя крестным знаменем. — Прожить бы мне столько, чтобы доверху засыпать Колодец Великанов мелкими камушками, а такого чуда всё едино больше не увижу!

— Колодец Великанов, Колодец Великанов, — пробормотал я про себя, следуя за одним из крестьян в его избу, стоящую чуть поодаль от дороги, ибо после всего пережитого я остро нуждался в покое. Удар иванова кнутовища сотряс мне мозг, а в искусстве врачевания я был достаточно сведущ, чтобы понимать: травма требует немедленного вмешательства. На моё счастье, под кровом этого крестьянина я нашёл одну из тех старух, не то знахарок, не то ведуний, что хранят рецепты от всего на свете и знают траву от любой хвори. Осмотрев рану, нанесённую рукоятью кнута, она пробормотала:

— Не широка, как гора, и не глубока, как Колодец Великанов, а всё ж скверная штука, маленький хозяин.

«Опять Колодец Великанов», — подумал я, укладываясь на лучшую кровать, какую мне могли соорудить. «Где же он находится, этот Колодец Великанов, и какова его глубина, и кто пьёт воду, которую из него черпают?»

ГЛАВА IV

МОЯ РАНА ЗАЖИВАЕТ. — ЮЛИАНА РАССКАЗЫВАЕТ О КОЛОДЦЕ ВЕЛИКАНОВ. — Я РЕШАЮ ПОСЕТИТЬ ЕГО. — ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПОДЪЁМУ В ГОРЫ. — ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЮЛИАНОЙ И СО МНОЙ. — РАЗМЫШЛЕНИЕ И ЗАТЕМ ДЕЙСТВИЕ. — КАК Я УМУДРИЛСЯ ПРОДОЛЖИТЬ ВОСХОЖДЕНИЕ БЕЗ ЮЛИАНЫ В КАЧЕСТВЕ ПРОВОДНИЦЫ.

Прошёл день или около того, прежде чем я смог уверенно держаться на ногах, и всё это время я прилагал необычайные усилия, чтобы сохранять мозг в покое; но, несмотря на все мои старания, всякое упоминание крестьянами Колодца Великанов посылало сквозь меня странную дрожь, и я ловил себя на том, что внезапно принимаюсь расхаживать взад-вперёд по комнате, повторяя снова и снова: «Колодец Великанов! Колодец Великанов!»

Бульгер был крайне встревожен и сидел, наблюдая за мной с самым озадаченным выражением в любящих глазах — с таким, какое мне только доводилось видеть. Думаю, он наполовину подозревал, что жестокий удар иванова кнутовища повредил мои рассудочные способности, ибо временами издавал тихий, жалобный скулёж. Однако, стоило мне обратить на него внимание и начать вести себя как обычно, он принимался скакать вокруг меня в самом бурном восторге. Поскольку я велел крестьянам гнать ивановых лошадей обратно в сторону Илича-на-Иличе, куда они не встретят того злодея и не передадут их ему, я остался теперь без каких-либо средств продолжать путь на север, если только не отправлюсь, по примеру многих моих прославленных предшественников, пешком. У них, однако, ноги были длиннее моих, да и не были они обременены столь тяжёлым для своего роста мозгом — мозгом, который к тому же почти никогда не спал, во всяком случае, не спал крепко. Я слишком стремился достичь врат в Мир внутри Мира, чтобы тащиться пешком по пыльной дороге. Мне нужны были лошади и другой тарантас или хотя бы крестьянская телега. Я должен был спешить. Голова моя теперь совсем зажила, и жар спал.

— Послушай, маленький хозяин, — прошептала Юлиана (так звали старуху, что ухаживала за мной), — ты не тот, кем кажешься. Никогда прежде не видывала я подобного тебе. Сдаётся мне, ты мог бы, если б захотел, сказать мне, какой высоты небо, какой толщины горы и какой глубины Колодец Великанов.

Я улыбнулся и затем произнёс:

— А тебе доводилось пить из Колодца Великанов, Юлиана?

На это она покачала головой и издала тихий смешок.

— Послушай, маленький хозяин, — прошептала она затем, приблизившись ко мне и подняв длинный костлявый палец, — меня тебе не провести, — ты знаешь, что у Колодца Великанов нет дна.

— Нет дна? — повторил я затаив дыхание, ибо таинственные слова донна Фума: «Люди подкажут тебе!» — молнией пронеслись у меня в голове. — Нет дна, Юлиана?

— Нет, разве что твои глаза зорче моих, маленький хозяин, — пробормотала она, медленно кивая головой.

— Слушай, Юлиана, — пылко вырвалось у меня, — где этот бездонный колодец? Ты должна проводить меня к нему; я должен его увидеть. Ну же, отправимся немедленно. Тебе хорошо заплатят за труды.

— Нет, нет, маленький хозяин, не так скоро, — отвечала она. — Он далеко в горах. Путь крут и каменист, тропы узки и извилисты; один неверный шаг может означать мгновенную смерть, не окажись рядом сильной руки, чтобы спасти тебя. Брось эту безумную мысль когда-нибудь добраться туда, разве только на крепких плечах какого-нибудь горца.

— Ах, добрая женщина, — был мой ответ, — ты только что сказала, что я не тот, кем кажусь, и сказала правду. Знай же, что ты видишь перед собою всемирно прославленного путешественника Вильгельма Генриха Себастиана фон Трумпа, обыкновенно именуемого «маленьким бароном Трампом»: хоть и низок я ростом и хрупок сложением, но то, что во мне есть, — из железа. Вот, Юлиана, вот тебе золото; а теперь веди к Колодцу Великанов.

— Тише, тише, маленький барон, — почти прошептала старая крестьянка, сжимая сморщенной рукой золотую монету. — Я не всё ещё тебе поведала. На много вёрст окрест, полагаю, ни одна живая душа, кроме меня, не знает, где находится Колодец Великанов. Спроси их — и они скажут: «Это там, наверху, в горах, далеко-далеко, под самым краем неба». Вот и всё. Вот и всё, что они могут тебе сказать. Но я, маленький хозяин, я знаю, где он; и та самая трава, что исцелила твою большую голову и спасла тебя от верной смерти, остудив твою кровь, была сорвана мною на краю этого колодца!

Слова эти послали сквозь меня волну радости, ибо теперь я чувствовал, что я на верном пути, что слова величайшего из учителей, дона Фума, сбылись.

«Люди подскажут тебе!»

Да, люди подсказали мне, и теперь в моём уме не оставалось и слабейшей тени сомнения, что я нашёл врата в Мир внутри Мира! Юлиана будет моей проводницей. Она знала, как пробраться по узкому проходу, как сторониться нависающих скал, что могут рухнуть от одного прикосновения, как находить ступени, высеченные природой в отвесных каменных стенах, и как безопасно продвигаться сквозь расселины и ущелья, самый вход в которые мог быть неразличим для обычного взгляда. Однако, чтобы не восстановить против себя суеверных крестьян, я объявил, что намерен отправиться в горы на поиски диковин для моего кабинета редкостей, и попросил их снабдить меня верёвками и снастями, а также дать мне двух крепких малых, чтобы нести всё это, пообещав щедрую плату за услуги.

Они поспешили доставить мне всё, что я просил, и мы тронулись в путь по горной тропе на рассвете. Юлиана же, дабы не казаться частью нашего отряда, ушла вперёд при свете луны, сказав домашним, что хочет собрать некоторые травы, прежде чем солнечные лучи ударят по ним и высушат целебную росу, бусинами застывшую на листьях.

Понял задачу. Продолжаю редактуру сцены с коровами и бегством крестьян в том же ключе: сохраняю ироничную интонацию рассказчика, добавляю динамики в диалоги и описания, убираю синтаксическую рыхлость.

Всё шло хорошо, пока солнце не поднялось высоко над головой, и тут внезапно я услышал пронзительный женский вопль — а это оказалась Юлиана. Через мгновение загадка разрешилась. Старая карга неслась вниз по горе, её жидкая седая прядь развевалась по ветру, руки ей связали за спиной, а двое молодых крестьян с берёзовыми розгами хлестали её при каждом удобном случае.

— Назад, назад, братцы! — закричали они моим носильщикам. — Вон тот колдунишка ударил по рукам со старой ведьмой! Они путь держат к Колодцу Великанов. Накличут они нам на головы целую свору чёрных духов! Всех нас околдуют! Скорей! Скорей! Бросайте наземь поклажу и бегите за нами!

Мои люди не заставили просить себя дважды: швырнув снасти наземь, все они исчезли в мгновение ока, но ещё несколько мгновений до меня доносились крики бедной Юлианы — это юные негодяи избивали старуху берёзовыми розгами.

Ну, дорогие читатели, что вы на это скажете? Не в прелестное ли я попал положение, право слово? Один-одинёшенек с Бульгером в этом диком, угрюмом горном краю; чёрные скалы нависали над нашими головами, точно хмурые великаны и людоеды: карликовые сосны служили им волосами, пучки белого мха — глазами, широченные зияющие трещины — ртами, а узловатые, искривлённые корни — страшными пальцами, которые так и тянулись вниз ухватить моё бедное, тщедушное тельце.

Затрепетал ли я? Поспешил ли последовать за этими малодушными трусами вниз по склону? Спустил ли я флаг моей храбрости хотя бы на одно деление?

Нет, не таков я был. Поступи я так — не был бы я достоин имени, которое ношу. Вместо этого я растянулся во весь рост на ложе из мха, подозвал Бульгера к себе и закрыл глаза для внешнего мира.

Слышал я, что великие люди уединяются среди бела дня, чтобы предаться размышлениям, да я и сам частенько так делал ещё прежде, чем услышал, что они так поступают.

Через пятнадцать минут — по природным часам, каковыми служило солнце на склоне горы, — я разрешил задачу. Две трудности стояли передо мною: во-первых, найти кого-то, кто показал бы мне путь вверх по горе, а во-вторых, если это существо не сможет нести мои снасти, найти кого-то другого, кто сумел бы.

Мне вдруг пришло на ум, что я приметил у подножия горы пасущийся скот и — более того — что скот этот носил весьма своеобразные ярма.

«Для чего эти ярма?» — спросил я себя, ибо устройством своим они совершенно отличались от всех, какие мне доводилось видеть прежде: они состояли из прочного деревянного ошейника, от нижней части которого назад, промеж передних ног животного, выдавался прямой брусок с железным шипом, направленным к земле. Сверху же ярмо кожаным ремнём привязывалось к рогам. Таким образом, пока скотина держала голову естественно или даже опускала её, чтобы пасть, ярмо сдвигалось вперёд, и крюк не касался земли, но в то самое мгновение, когда животное скидывало голову, крюк тотчас вонзался в землю, не давая ему ступить вперёд.

Так вот, дорогие читатели, вы можете знать или не знать, что, когда парнокопытное животное пытается взобраться на крутой склон, оно, в отличие от непарнокопытного, не опускает, а скидывает голову; из этого я немедленно заключил, что назначение сего ярма — не давать скоту карабкаться в горы и там теряться.

Но с чего бы скотине стремиться взбираться по горным склонам? Да попросту потому, что где-то там наверху росла какая-то трава или зелень, составлявшая для них лакомство, а зная, как хорошо я знаю, на какой риск готовы идти животные и какую усталость они согласны претерпевать, чтобы добраться до излюбленного пастбища, я тотчас смекнул: если я дам им возможность добраться до их любимой еды, они с великой охотой помогут мне и подвезут на моём пути.

Сказано — сделано. Я немедля повернул назад и скоро набрёл на стадо этих коров; и не прошло много минут, как я отвязал ремни от их рогов и подвязал крюки под брюхо, чтобы те не мешали им идти в гору.

Животные были в восторге, столь неожиданно освободившись от ненавистной помехи, которая прежде позволяла им лишь издали взирать на возделенное пастбище; вырезав себе подходящий прут, я снова двинулся в гору, неторопливо погоняя моих новых друзей впереди себя.

Добравшись до места, где суеверные крестьяне бросили снасти наземь, я навьючил их на спину самого смиренного из всего стада и вскоре уже снова был в пути.

ГЛАВА V

ВВЕРХ, ВСЁ ВВЕРХ — И СКВОЗЬ КАМЕНОЛОМНИ ДЕМОНОВ. — КАК СКОТ ДЕРЖАЛСЯ ТРОПЫ И КАК МЫ ВЫШЛИ НАКОНЕЦ НА КРАЙ КОЛОДЦА ВЕЛИКАНОВ. — ТЕРРАСЫ БЛАГОПОЛУЧНО ПРОЙДЕНЫ. — НАЧАЛО СПУСКА В САМ КОЛОДЕЦ. — ВСЕ ТРУДНОСТИ ПРЕОДОЛЕНЫ. — МЫ ДОСТИГАЕМ КРАЯ ВОРОНКИ ПОЛИФЕМА.

Обыкновенно людей с очень крупной головой природа наделяет парой ног, напоминающих, скорее, печные трубы, однако мой случай был иным. Я был благословлён ногами самого крепкого склада и не находил ни малейшей трудности в том, чтобы поспевать за моими новыми четвероногими друзьями, которые, к моему вящему восторгу, весьма скоро убедили меня, что они уже бывали здесь прежде. Ни на единый миг не задерживались они на развилке тропы, но неуклонно шли вперёд, часто минуя участки, где никакого следа не было видно, но всякий раз находя его с безошибочной точностью. Лишь однажды они остановились — и то лишь затем, чтобы утолить жажду в горном ручье; мы с Бульгером последовали их примеру.

Мне было более чем очевидно, что у них на уме — некое определённое пастбище и что никаким другим они не удовольствуются; поэтому я предоставил им самим выбирать дорогу, ибо, поскольку направление всё ещё было «вверх, вверх, вверх», я чувствовал, что следовать за ними совершенно безопасно.

Наконец горный склон начал принимать совсем иной характер. Ущелья становились всё уже, а нависающие скалы порой почти совершенно заслоняли солнечный свет. Мы вступали в область особенной дикости, фантастического величия.

Я часто читывал, что путешественники именуют в Северном Урале «Каменоломнями Демоннов», но никогда до сего дня не имел ни малейшего понятия, что означает это выражение.

Вообразите себе тот обычный вид разрушения и опустошения, что царит вокруг каменоломни, разработанной человеческими руками; затем мысленно превратите каждый осколок — в глыбу, а каждую глыбу — в утёс; прибавьте вчетверо к размеру каждой плиты, столба и фронтона; а потом пропустите сквозь это место могучий поток и крутите, и вертите, и вздымайте их в диком беспорядке, громоздя стоймя и друг на друге, пока эти бурные воды не возведут фантастические порталы ещё более фантастических храмов и не перекроют дикие теснины кровлями из скал, которые висят, кажется, столь легковесно, что дыхание или шум шагов мог бы обрушить их с ужасным грохотом, — и тогда, дорогие друзья, вы, быть может, и преуспеете, получив слабое представление о том диком и жутком величии зрелища, которое теперь простиралось передо мной.

Сумеет ли скот, столь благополучно прошедший нас с Бульгером вверх по горному склону, отыскать вход в эту глушь битого камня и — что было ещё важнее — сумеет ли он, углубившись в её извилистые дворы и коридоры, в сумрачный лабиринт стен и парапетов, в улицы и площади, грубо вымощенные словно бы демоническими руками, которым не терпелось завершить работу, — отыскать из неё выход?

Дорогие друзья, человек всегда был чересчур недоверчив к своим четвероногим спутникам. Им есть много что рассказать нам, обладай они только речью. Я часто доверял им тогда, когда вам это показалось бы безумной дерзостью, и ни разу не имел причины в том раскаиваться.

Итак, мы с Бульгером, исполняя мужества, последовали прямо за этими безмолвными проводниками, хотя, признаюсь, мои ноги уже начинали чувствовать то ужасное напряжение, которому я их подверг; но я порешил продвигаться вперёд, по крайней мере покуда мы не минуем Демоновой Каменоломни, а там уж дать моему маленькому стаду остановку и провести остаток дня и ночные часы в заслуженном покое.

Однако едва мы оказались в каменоломне, всякое чувство усталости исчезло, и мой благодарный ум, зачарованный и замороженный глубокой тишиной, жуткой грандиозностью, таинственными переливами света и тени этого места, придал мне новых сил. Наконец мы пересекли этот город безмолвия и мрака и вновь вынырнули в полную славу послеполюденного солнца.

Внезапно моё маленькое стадо, шаловливо вскидывая головами, перешло на бег, а мы с Бульгером — за ними следом. То была безумная гонка; но, дорогие друзья, когда она завершилась, я сорвал свою меховую шапку и высоко подбросил её в воздух с диким криком радости, а Бульгер разразился целой чередой взлаев и лая, ибо — смотрите-ка! — скот прямо передо мной с наслаждением щипал траву, и когда запах её достиг меня, мой острый нюх узнал аромат Юлианиных трав, которые она прикладывала к моей больной голове.

Да, мы стояли почти на самом краю Колодца Великанов, но я был слишком утомлён, чтобы сделать ещё хоть шаг, — слишком утомлён, по правде сказать, даже чтобы поесть, хотя в карманах у меня был запас сушёных плодов и я заметил, что гнёзда дикой птицы были полны яиц. Отвязав снасти со спины доброй скотины, что тащила их для меня в гору, я бросился на землю и скоро крепко уснул, а мой верный Бульгер свернулся клубком у моей груди.

Поутру скота нигде не было видно, но я не стал о нём тревожиться, ибо знал, что старую Юлиану пошлют за ним следом, едва только хватятся пропажи. После плотного завтрака из полудюжины печёных яиц дикой птицы с сушёными плодами и ягодами грушанки мы с Бульгером двинулись к краю Колодца Великанов — или, вернее, к краю обширных скальных террас, ведущих к нему; каждая из них отвесно обрывалась на тридцать-пятьдесят футов.

Прежде чем я продолжу, дорогие друзья, я должен попросить вас помнить, что я — эксперт в обращении со снастями и не было такого узла, петли или сростка, известного моряку, которых я не знал бы как свои пять пальцев, — вещь не удивительная, если принять в расчёт тысячи миль, которые я пропутешествовал по воде.

И не хотел бы я, чтобы вы качали головами и выглядели лишь наполовину убеждёнными, когда я примусь описывать наш спуск в Колодец Великанов, ибо вы, конечно, спросите себя: как я умудрялся спускать снасти, если на другом конце не оставалось никого, кто бы их отвязал?

Знайте же: это была наименьшая из моих забот; ибо, как вам скажет любой моряк, достаточно лишь завязать лить так называемым «дурацким узлом», а к одному его концу прикрепить простой шнур. В то мгновение, как вы достигаете дна, резкий рывок за шнур развязывает «дурацкий узел», и ваши снасти падают следом за вами. Мой метод состоял в том, чтобы сначала спустить Бульгера, а затем спуститься самому. Таким образом мы продвигались от уступа к уступу, пока наконец не встали на самом краю того обширного колодца, на существование которого столь загадочно намекал манускрипт дона Фума. Его жерло было около пятидесяти футов в поперечнике, и, напрягая зрение, я удостоверился в существовании с одной стороны каменного выступа, насколько я мог судить — примерно в семидесяти пяти футах внизу. То был изрядный кусок пути, и он требовал каждого фута моей верёвки. Вы не улыбнётесь, я уверен, когда я скажу вам, что прижал Бульгера к груди и нежно поцеловал, прежде чем начать спуск. Он отвечал на мои ласки и радостным твяканьем дал мне понять, что питает совершенную веру в своего маленького хозяина.

Спустя несколько мгновений я присоединился к нему на этом узком скальном выступе. Под нами теперь царил тьма, но полагаете ли вы, что я колебался? Я знал, что мои глаза скоро привыкнут ко мраку, и знал также, что, когда мои глаза спасуют, более зоркие очи Бульгера окажутся тут, чтобы меня выручить.

На сей раз я оснастил свои снасти с особой тщательностью, ибо отправлял моего маленького брата в своего рода разведывательный поход.

Он скоро скрылся из виду, и тогда, несмотря на всё моё спокойствие, я сделал быстрый вдох, и сердце моё подскочило вверх на ячменное зёрнышко. Но чу! — его отрывистый, резкий

лай ясно доносится до меня. Это означает, что он высадился на безопасную полку или выступ, и в следующее мгновение мои ноги обвили верёвку, и я начал бесшумно скользить вниз, в безмолвную глубину, и его радостный голос звенел у меня в ушах.

Снова и снова посылал я моего мудрого и бдительного маленького брата вперёд и вниз, пока наконец, стоя там и взглянув наверх, не увидел я от могучего внешнего мира лишь яркую серебряную крапинку — словно крохотный лучик света, пробивающийся сквозь булавоочный прокол в занавесах твоей спальни.

Но постойте: достигли ли мы дна Колодца Великанов? Ведь пробным лотом я нахожу, что стены больше не отвесны; они уходят внутрь, и полого — так полого, что мне почти не нужна верёвка, чтобы продолжать спуск. Затеппив одну из моих маленьких свечей, я осторожно пробираюсь вдоль кромки. Через полчаса я обнаруживаю себя снова у места начала спуска. Изгиб пути был всё время одним и тем же, тогда как пробный лот неизменно показывал один и тот же уклон скальной чаши.

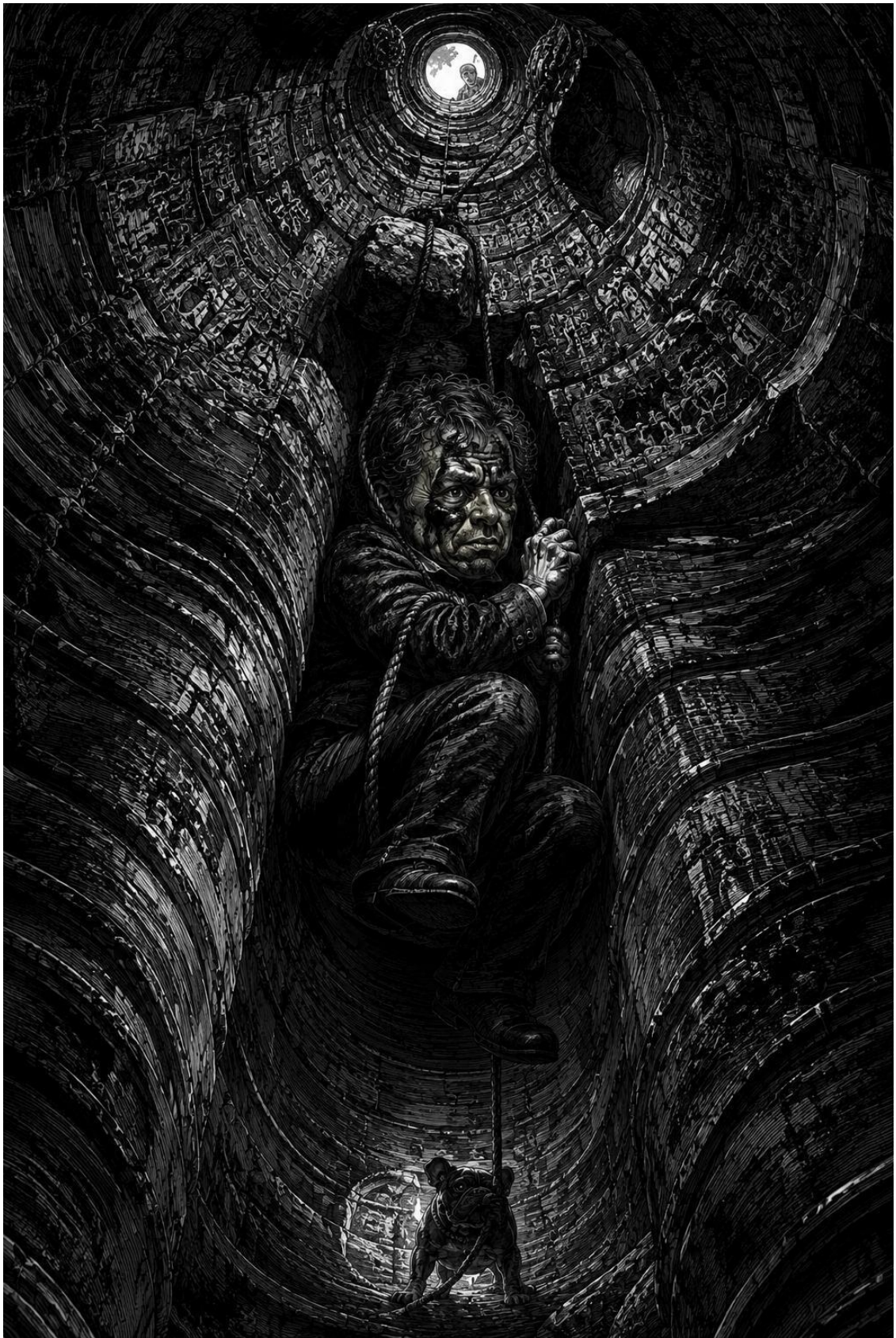
И тут впервые два некоторых слова, употреблённых учёнейшим Мастером из Мастеров, доном Фумом, — дотолем тайна для меня, — проступили перед моими глазами, словно написанные огненным пером на этих чёрных стенах, на тысячи футов ниже того великого мира света, который я покинул за несколько часов до того.

Эти слова были — «Воронка Полифема»!

Да, в том не могло быть сомнений: я достиг дна Колодца Великанов. Я стоял на краю Воронки Полифема!

ГЛАВА VI

МОЁ ОТЧАЯНИЕ ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ, ЧТО ТРУБА ВОРОНКИ СЛИШКОМ УЗКА
ДЛЯ МОЕГО ТЕЛА. — ЛУЧ НАДЕЖДЫ ОЗАРЯЕТ МЕНЯ. — ПОДРОБНЫЙ ОТЧЁТ
О ТОМ, КАК Я УМУДРИЛСЯ ПРОНИКНУТЬ В ТРУБУ ВОРОНКИ. — МОЙ ПУТЬ
СКВОЗЬ НЕЁ. — СВОЕВРЕМЕННАЯ ПОМОЩЬ БУЛЬГЕРА. — МРАМОРНАЯ ДОРОГА И
НЕСКОЛЬКО ЛЮБОПЫТНЫХ ВЕЩЕЙ КАСАТЕЛЬНО ВХОДА В МИР ВНУТРИ МИРА.

Каменные стены Воронки Полифема были, по всей видимости, так же хорошо отполированы, как и стенки любой жестиной воронки, которую мне доводилось видеть на кухне замка Трампов; так что, закрепив снасти и взяв Бульгера на руки, мы заскользили вниз по склону, пропустив для безопасности лить у меня под рукой.

До дна было около сотни футов, ибо я отмерил полную длину своего линя, прежде чем добрался до вершины этого исполинского конуса, и, не желая кувырком лететь в его трубу, я поспешил затеплить свечу и осмотреться вокруг.

Ах, дорогие друзья, я и сейчас содрогаюсь — так это было ужасно, и не мудрено, ведь одного взгляда на трубу воронки оказалось довольно, чтобы понять: она слишком узка, чтобы пропустить моё тело. Мучительная мысль молнией пронзила мой ум: я совершил страшную ошибку — я принял какую-то бездонную яму за Колодец Великанов, я погубил и Бульгера, и себя в безумной, безрассудной спешке, я никогда не достигну чудесного Мира внутри Мира, и здесь, в этой непроглядной тьме, нам суждено сложить наши тела и кости.

Или, подумалось мне, быть может, и сам учёный Мастер из Мастеров, дон Фум, ошибся, допустив мысль, что труба Воронки Полифема достаточно просторна, дабы пропустить человека?

В почти исступлённом отчаянии я приблизился к жерлу трубы и, опустившись в неё, позволил телу погрузиться насколько возможно.

Меня заклинило в плечах, и после тщательного осмотра я вынужден был прийти к душе-раздирающему выводу, что мы с моим верным Бульгером проехали нашу последнюю милю вместе.

Нам не оставалось ничего иного, как лечь и умереть.

Лечь и умереть? Никогда! Ещё при спуске в Колодец Великанов я заметил, что его стена во многом похожа на кладку из каменных глыб. Привязав Бульгера к спине, я стану медленно карабкаться вверх с уступа на уступ, пока меня не оставят силы, а затем дождусь, когда, по моим расчётам, старая Юлиана вернётся собирать травы, и, быть может, мне удастся докричаться до неё.

В отчаянии я вздохнул и стиснул свои руки, и, сделав это, одна моя ладонь коснулась чего-то холодного и скользкого, на ощупь подобного салу. Взяв щепотку этого вещества между большим и указательным пальцем, я задумчиво растёр его, и тут луч надежды пробился сквозь тот ужасный мрак, что столь безжалостно окутывал меня. Это был чёрный графит — в том не могло быть сомнений. Он просочился сквозь какую-то трещину или расселину в Воронке Полифема, и я соскоблил его, соскальзывая вниз по стене. С этим жирным веществом, чтобы натереть им внутренность трубы воронки, а также вымазаться самому, я, быть может, ещё сумею проскользнуть в Мир внутри Мира!

Как бы то ни было, я решился на попытку, даже если оставлю часть собственной кожи на кремнистой скале.

Чтобы как следует собраться с мыслями и продвигаться шаг за шагом в том систематическом порядке, который столь характерен для всех моих удивительных подвигов, я сел и, обняв дорогого Бульгера за шею и притянув его к себе, добрых полчаса беседовал с самим собою.

Затем всё было готово к действию; и дабы доказать вам, дорогие друзья, сколь заботливо Бульгер остерегался прерывать ход моих мыслей, я должен доложить вам, что, хотя пока я так сидел и размышлял, из расселины в скале выбрался маленький зверёк крысиного семейства — как я мог видеть при свете моей крохотной восковой свечи — и имел дерзость сначала обнюхать бульгеров хвост, а затем и игриво куснуть его, — сей прозорливый пёс даже волоском не шелохнул.

«Ум повелел — да повинуются руки!» — вскричал я, вскакивая и начиная сбрасывать верхнюю одежду. Покончив с этим, я вскарабкался на стену воронки и принялся собирать запас чёрного графита, который складывал возле отверстия трубы. Следующим делом было пропустить Бульгера сквозь трубу вперёд меня. С этой целью я запеленал его в свою одежду, наподобие мешка, и начал спускать.

Стравив шестьдесят пять или семьдесят футов линя, он достиг дна и своим громким лаем дал мне понять, что всё в порядке и я могу спускаться сам. Заслышав его голос, я несколько

раз резко дёрнул лить. Он быстро уразумел моё значение и в мгновение ока не только сам выбрался из мешка, но и высвободил мою одежду, так что я мог снова втянуть лить наверх.

Следующим моим шагом было измыслить способ придать себе тяжести, когда настанет миг начать спуск, ибо я был уверен, что мне ни за что не удастся проскользнуть сквозь трубу без того, чтобы что-то не тянуло меня за пятки.

Отрезав около десяти футов верёвки, я привязал один конец этого куска к длинному обломку скалы весом около сотни фунтов. Его я положил возле устья трубы, наготове. Но теперь предстояло самое трудное — втянуть плечи внутрь, к груди, и накрепко зафиксировать их в этом положении, каковым способом я рассчитывал уменьшить свою ширину по крайней мере на целых два добрых дюйма.

Эти два дюйма, так приобретённые или, скорее, потерянные, могли стать тем средством, которое позволит мне проскользнуть сквозь трубу Воронки Полифема и достигнуть обширного подземного хода, ведущего в Мир внутри Мира. Набросив петлю на грудь, чуть ниже ключицы, я стянул плечи внутрь так туго, как только мог вытерпеть, и превратил скользкий узел в мёртвый; затем, привязав другой конец литья к стене воронки, я принялся обматывать себя, как хозяйки частенько обматывают толстую колбасу, чтобы она не лопнула. Покончив с этим, я принялся кататься в чёрном графите, покуда не измазался им с ног до головы.

Теперь оставалось лишь одно дело, прежде чем сбросить себя в трубу, — привязать груз к ногам. Это была нелёгкая задача для меня, скрученного, с руками, притянутыми к телу; но, используя скользкие узлы, я в конце концов совершил этот подвиг и, усевшись, опустил ноги в трубу и глубоко вздохнул, ибо чувствовал себя так, будто меня зашнуровали в смирительную рубашку.

Наклонившись, я окликнул Бульгера. Он ответил радостным взлаем, влившим новую бодрость в моё сердце. Теперь настал тот высший миг, которому предстояло стать свидетелем успеха или неудачи. Неудача! О, какое ужасное слово! И всё же сколь часто человеческие уста должны произносить его и, произнося, исторгать вздох, которым оно оканчивается! Быстро спустив груз, я сполз с края отверстия и вытянулся в струнку, проскальзывая в трубу.

Закупорил ли я её, точно пробка, или двигался? Да, вниз, вниз, мягко, медленно, бесшумно скользил я по трубе Воронки Полифема. Какое мне было дело до того, что груз заставлял верёвку врезаться в лодыжки? Я двигался, я становился всё ближе и ближе к Бульгеру, чей радостный лай я мог слышать время от времени, ближе к внутренним вратам Мира внутри Мира!

Но, увы и ах! Я внезапно остановился, и, несмотря на все мои попытки сдвинуться вновь — извиваясь, вращаясь и тряся телом, — оно отказывалось опуститься ещё хоть на дюйм, и я застрял.

«О, Бульгер, Бульгер, — простонал я, — верный друг, если б ты только мог добраться до меня, один твой рывок спас бы твоего маленького хозяина!»

В каком-то диком, отчаянном порыве я принялся ощупывать себя, насколько мог связанными, вплотную прижатыми к бокам руками, но через мгновение обнаружил причину столь внезапной остановки.

Я наткнулся на участок трубы, имевший резьбу — наподобие той, что опоясывает железный болт и превращает его в винт; и мне пришла мысль, что, если мне только удастся придать моему телу вращательное движение, я с каждым поворотом буду ввинчиваться всё дальше к концу трубы.

Я чувствовал, как мои костяшки и кончики пальцев покрываются синяками и рвутся от этой тяжкой работы, но что мне было до острой боли, простреливавшей от кистей к запястьям, а от запястий к локтям! Это походило на медленное вкручивание винта в длинную гайку, только резьба в этом случае была на гайке, а канавки — на винте, и этим винтом было моё бедное, израненное маленькое тело!

Внезапно по качанию груза я понял, что он вышел из нижнего конца трубы. Он тянул с жестокой силой за мои нежные лодыжки, но я уже не мог больше вращаться; силы оставили меня. Я был на грани обморока, когда услышал, как Бульгер издал громкий взлай, и в следующий миг мои лодыжки ощутили такой сильный рывок, что я испустил стон, — но этот рывок спас меня! Это Бульгер подпрыгнул в воздух и, поймав верёвку зубами, выволок своего маленького хозяина из трубы Воронки Полифема!

Мы свалились все в одну кучу — Бульгер, я и груз — с добрых десяти футов, и последствия для меня могли бы оказаться весьма серьёзными, не смягчилось моё падение тем, что я угодил прямо на груду моей одежды, разложенную точно под отверстием; и, дорогие друзья, хоть проговори вы до светопреставления, вам не заставить меня поверить, что мой четвероногий брат не уложил эту одежду там нарочно, чтобы подхватить меня.

Она даже не была свалена кое-как, а лежала слой за слоем, причём самое тяжёлое — внизу.

Размотав себя и затеплив одну из моих восковых свечей, я поспешил скинуть исподнее с его слоем чёрного графита и снова облачиться в одежду; затем, наклонившись, я осмотрел пол. Он состоял из громадных мраморных плит различных цветов, отполированных почти столь же гладко, как если бы рука человека потрудилась над ними; и тут я понял, что нахожусь на Мраморной Дороге Природы, ведущей в города подземного мира, упомянутые доном Фумом в его книге, и я также вспомнил, что он говорил о Великих Мозаиках Природы — огромных фантастических фигурах на стенах этих высоких коридоров, составленных из разноцветных глыб и фрагментов, уложенных один на другой словно бы по замыслу, а не дикой, бурной прихотью вздыбившихся сил тысячи лет назад, когда земля пребывала в своей безумной и своеправной юности. После отдыха в несколько часов, в течение которых я врачевал свои изорванные ладони и ушибленные пальцы, мы с Бульгером снова были на ногах и в пути — по этой широкой и великолепной Мраморной Дороге. Странно сказать, но не чернильная тьма обычной пещеры наполняла эти пышные чертоги, сквозь которые Мраморная Дорога извивалась в величавом и массивном великолепии; отнюдь нет. Мрак умерялся слабым свечением, встречавшим нас то и дело, словно заблудший луч сумерек. Так или иначе, Бульгер, как я заметил, видел превосходно; поэтому, привязав кусочек бечёвки к его ошейнику, я отправил его вперёд, убеждённый, что лучшего проводника мне не сыскать.

Временами наш путь озарялся на мгновение вспышкой маленького язычка пламени, вырывавшегося то из стен, то с потолка галереи. Я довольно долго ломал голову над тем, отчего он происходит; но наконец я углядел источник или, скорее, создателя этой желанной иллюминации. Он исходил от похожего на ящерицу животного, которое, внезапно раскручивая свой хвост, обладало способностью испускать чрезвычайно яркую вспышку фосфоресцирующего света и при этом производило резкий треск — точь-в-точь как шум электрической искры. Бульгер был в восторге от сего представления; и однажды, не в силах совладать со своими чувствами, он издал звонкий лай, после чего, казалось, целые десять тысяч этих маленьких факельщиков одновременно сверкнули в меня хвостами и наполнили обширное пространство вспышкой света почти молниенной яркости.

Бульгер был так напуган результатом собственных рукоплесканий, что после этого усердно остерегался шуметь.

ГЛАВА VII

НАША ПЕРВАЯ НОЧЬ В ПОДЗЕМНОМ МИРЕ И ТО, КАК ЗА НЕЙ ПОСЛЕДОВАЛ ПЕРВЫЙ ПРОБЛЕСК ДНЯ. — ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ БУЛЬГЕРА И ЧТО ОНО ЗНАЧИЛО. — МЫ ВСТРЕЧАЕМ ОБИТАТЕЛЯ МИРА ВНУТРИ МИРА. — ЕГО ИМЯ И ЗАНЯТИЕ. — ТАИНСТВЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ НОЧИ. — СТРАНА КРОВАТЕЙ И КАК НАШ НОВЫЙ ДРУГ СНАБДИЛ НАС ОДНОЙ ИЗ НИХ.

Веки мои наконец так отяжелели от сна, что я понял: во внешнем мире, должно быть, наступила ночь; итак, мы остановились, и я растянулся во весь рост на мраморном полу, который, к слову сказать, был приятно тёпел под нами; да и воздух странным образом успокаивал лёгкие, ибо в нём напрочь отсутствовал тот запах земли и сырости, что так обычен в обширных подземных пещерах.

Сон мой был долог и в высшей степени освежающ; Бульгер, однако, уже бодрствовал, когда я сел и попытался оглядеться вокруг.

Он принялся тянуть за шнурок, привязанный мною к его ошейнику, словно желая куда-то меня отвести; я уступил ему и последовал следом. К моему восторгу, он привёл меня напрямик к озерцу упоительно сладкой и студёной воды. Здесь мы напились вволю и после весьма скудного завтрака из нескольких сушёных фиг снова тронулись в путь по Мраморной Дороге. Внезапно, к моей несказанной радости, слабый и неуверенный свет этого места начал усиливаться. Чудилось почти, будто день верхнего мира готов был заняться — столь нежны были разнообразные оттенки, в которые облекался всё прибывающий свет; затем, словно ужаснувшись собственного растущего великолепия, он снова угасал, почти до сумрака. Но через несколько мгновений этот бледный и таинственный отблеск возвращался вновь, начинаясь с мягчайшего жёлтого, затем сменяясь дюжиной различных тонов и, точно ветреная девица, не знающая, какой же выбрать, отбрасывал все и облачался в лилейный наряд. Мы с Бульгером брели вдоль Мраморной Дороги, почти боясь нарушить безмолвие, столь глубокое, что мне казалось, будто я слышу, как эти игривые лучи света забавляются, скользя по многоцветным скалам, образующим свод сего могучего коридора.

И вот, когда Мраморная Дорога изогнулась плавной дугой, на нас хлынул ослепительный поток света.

Это был восход солнца в Мире внутри Мира.

Откуда брался этот поток ослепительного света, заставлявший теперь стены и арочный свод пылать и искриться, словно мы внезапно вступили в одну из обширнейших природных сокровищниц полированных самоцветов? Затеняя глаза рукой, я озирался вокруг, пытаюсь разрешить загадку.

Мне не потребовалось много времени, чтобы всё уразуметь. Знайте же, дорогие друзья, что потолки, купола и сводчатые кровли этого подземного мира были испещрены металлом большей твёрдости, нежели любой из известных нам, детям солнечного света. Его прожилки разбегались тут и там, точно жилы исполинских листьев; и в определённые часы токи электричества из какого-то огромного внутреннего резервуара, воздвигнутого самой Природой, устремлялись по этим металлическим узорам, покуда те не раскалялись добела, испуская тот поток ослепительного света, о котором я уже говорил.

Ток никогда не нарастал внезапным наплывом или броском, но начинался мягко и робко, если можно так выразиться, словно ощупывая дорогу. Отсюда и проистекали те прекрасные оттенки, что всегда предшествовали восходу в этом нижнем мире и делали его столь похожим на приход и уход нашего славного солнечного света.

Мраморная Дорога теперь раздваивалась, и две половины развилки, загибаясь вправо и влево, охватывали небольшой, но изысканно украшенный парк или, можно сказать, увесели-

тельный сад, снабжённый скамьями из какого-то тёмного дерева, прекрасно отполированного и покрытого резьбой. Парк этот украшали четыре фонтана; каждый бил из хрустальной чаши и рассыпался перистой водяной пылью, сверкавшей, словно кружащийся снег, в ослепительно белом свете. Едва мы с Бульгером направили шаги к одной из скамей с намерением хорошенько отдохнуть, как низкое рычание пса предупредило меня, что надобно быть начеку. Я всмотрелся пристальнее. На скамье сидело человеческое существо. Вне себя от любопытства встретиться лицом к лицу с этим обитателем подземного мира — первым встреченным нами, — я остановился, решив прежде выяснить, насколько он безобиден, и лишь затем обратиться к нему.

Он был мал ростом и облачён совершенно в чёрное — в подобие свободного, ниспадающего одеяния вроде римской тоги. Голова его была непокрыта, и всё, что я мог разглядеть, выглядело круглым, гладким и розовым, а волос, или, скорее, пушка, на ней было примерно столько же, сколько на голове шестинедельного младенца. Лицо его скрывал чёрный веер, который он держал в правой руке; о его назначении вы узнаете позже. Глаза его были защищены от резкого слепящего блеска парой очков из цветного стекла. Когда он поднял руку между мною и светом, я невольно затаил дыхание. Я видел её насквозь: кости были прозрачны, точно янтарь. Да и голова его была лишь немногим менее прозрачна. Внезапно два слова из дон-фумова манускрипта сверкнули у меня в уме, и я вскричал радостно:

— Бульгер, мы в Стране Прозрачного Народа!

При звуке моего голоса маленький человек поднялся и отвесил низкий поклон, опустив веер на грудь и придерживая его там. Его младенческое лицо было до смешного печальным и торжественным.

— Да, господин чужестранец, — произнёс он тихим, мелодичным голосом, — ты и впрямь в Стране Миккаменки (Слюдяных Человечков), в Стране Прозрачного Народа, зовущейся также Очковой Страной; но если бы я показал тебе моё сердце, ты бы увидел, сколь глубоко я опечален мыслью, что именно мне первому выпало приветствовать тебя, ибо знай, господин чужестранец, что ты говоришь с господином Холодная Душа, Придворным Удручителем, самым печальным человеком во всей Очковой Стране, и — кстати, сударь, — позволь предложить тебе пару очков для тебя самого, а также пару для твоего четвероногого спутника, ибо наш яркий белый свет ослепил бы вас обоих в несколько дней.

Я весьма тепло поблагодарил господина Холодную Душу за очки и поспешил водрузить одну пару себе на нос, а другую укрепить перед глазами Бульгера. Затем я самым учтивым образом сообщил господину Холодной Душе, кто я таков, и попросил его объяснить причину его великой печали.

— Что ж, должен ты знать, маленький барон, — сказал он, после того как я сел подле него на скамью, — что мы, верноподданные королевы Галаксы, чьё царственное сердце почти уже стало, — прости эти слёзы, — живя, как мы живём, в этом прекрасном мире, столь непохожем на обитаемый вами, который наши мудрецы, странно сказать, описывают как построенный на самой внешней стороне земной коры, где он открыт полному разгулу слепящего снега, ледящего вихря, колотящего града, потопляющего дождя и удушающей пыли, — живя, как мы живём, говорю я, в этом обширном храме, воздвигнутом руками самой Природы, где болезни неведомы и где наши сердца останавливаются, точно часы, которые можно завести лишь однажды, — мы, увы, склонны быть чересчур счастливыми; чересчур много смеяться; чересчур много времени тратить в праздном веселье, болтая напропалую, точно беспечные дети, забавляющиеся погремушками, восхищающиеся мишурными пустяками. Знай же, маленький барон, что моё дело — сдерживать эту весёлость, класть конец этому детскому ликованию, удручать дух нашего народа, дабы он не возносился слишком высоко. Отсюда моё одеяние чернильного цвета, моя скорбная мина, мои частые излияния слёз, мой голос, неизменно настроенный на печаль. Прости, маленький барон, мой веер соскользнул сейчас; ты

видел меня насквозь? Мне не хотелось бы, чтобы ты видел моё сердце сегодня, ибо, так или иначе, я не могу заставить его биться медленно; оно ужасно беспокойно.

Я заверил его, что покуда не видел его насквозь.

А теперь, дорогие друзья, я должен объяснить, что по законам Миккаменки каждый мужчина, женщина и ребёнок обязаны иметь на своей одежде отверстие в форме сердца прямо над сердцем и такое же на спине, дабы при определённых обстоятельствах, когда закон это позволяет, каждый имел право заглянуть в сердце соседа и увидеть в точности, как оно бьётся — быстро ли, медленно ли, трепещет ли, скачет ли или же пульсирует спокойно и ровно. Но эта привилегия, как я сказал, даруется лишь при определённых обстоятельствах, а посему, дабы закрыться от досужих взоров, каждому Миккаменки дозволено носить чёрный веер и прикрывать им описанное выше отверстие в форме сердца и тем самым до известной степени скрывать свои чувства. Я говорю — до известной степени, ибо должен прямо здесь сказать вам, что ложь неведома или, точнее сказать, невозможна в Стране Прозрачного Народа, по той причине, что их глаза столь дивно чисты, прозрачны и кристаллоподобны, что малейшая попытка сказать одно, думая другое, мутит и затуманивает их, словно капля молока, упавшая в стакан чистой воды.

Сидя и созерцая это странное маленькое существо на скамье рядом со мною, я припомнил беседу с одним учёным русским в Сольвычегодске. «Мы все рождаемся, — сказал он, говоря о своём народе, — со светлыми волосами, блестящими глазами и бледными лицами, ибо взошли мы из-под снега». И я подумал про себя, в какой бы восторг, в какое восхищение он пришёл, увидев это диковинное существо, рождённое не под снегом, а далеко под землёй, где в этих обширных чертогах Мира внутри Мира сей странный народ, подобно растениям, выращенным в тёмном, глубоком погребке, постепенно утратил всю свою окраску, так что глаза их засветились, словно шары чистого хрусталя, кости выбелились до янтарной прозрачности, а кровь потекла бесцветная по бесцветным жилам. Пока я сидел, следуя этой веренице мыслей, ясный белый свет внезапно начал мерцать и выкидывать фантастические трюки на стенах, приплясывая в одеяниях вечно меняющихся оттенков — то ярчайшего жёлтого, то бледнейшего зелёного, то великолепного пурпура, то глубочайшего багрянца.

— Ах, маленький барон! — вскричал господин Холодная Душа. — Это был необычайно короткий день. Прошу, встань.

Я поспешил повиноваться, после чего он нажал пружину, и скамья разверзлась посередине, открыв две весьма удобные кровати.

— Через несколько мгновений нас настигнет ночь, — продолжал Миккаменки, — но, как видишь, мы не застигнуты врасплох. Я должен объяснить тебе, маленький барон, что из-за той капризной манеры, с которой наша Река Света обыкновенно начинает и прекращает течь, мы никогда не можем сказать наперёд, сколь долгим окажется день или ночь. Это мы зовём сумерками. В твоём мире, полагаю, день гаснет с жутким грохотом, ибо наши мудрецы говорят нам, что в верхнем мире ничто не может совершиться без шума; что ваш народ поистине любит шум и что человек, производящий наибольший шум, считается величайшим человеком.

— Вследствие того, маленький барон, что никто в Очковой Стране не может предсказать, сколько продлится день или сколько времени, быть может, понадобится проспать, наши законы никому не позволяют назначать точное время, когда что-либо должно быть сделано, или требовать обещания сделать то-то и то-то в определённый день, ибо — благослови твою душу — день этот может не продлиться и десяти минут. Поэтому мы говорим: «Если завтрашний день окажется длиннее пяти часов, приходи ко мне в начале шестого»; и мы никогда не желаем друг другу простого «спокойной ночи», но говорим: «Спокойной ночи на весь её срок».

— Более того, маленький барон, поскольку ночь имеет обыкновение застигать нас столь неожиданно, все кровати по закону принадлежат государству; никому не дозволено владеть собственной кроватью, ибо, когда ночь настигает человека, он может оказаться на другом конце

города, а какой-нибудь иной подданный королевы Галаксы — перед его дверью, и где бы ночь ни застигла Миккаменки, он непременно найдёт кровать. Кровати повсюду. При нажатии пружины они выпадают из стен, выдвигаются, как ящички, находятся под столами и диванами, в парках, на рыночной площади, у обочин дорог; скамьи, лари, короба, тачки и бочки одним нажатием пружины могут в мгновение ока превратиться в кровати. Это Страна Кроватей, маленький барон. Но ах! смотри — сумерки подходят к концу. Спокойной ночи на весь её срок!

И с этими словами господин Холодная Душа растянулся и захрапел, предварительно заботливо прикрыв оба отверстия — на груди и на спине — своего одеяния, дабы я не имел возможности заглянуть сквозь него, если проснусь первым. Мы с Бульгером были весьма рады уложить наши тела на настоящую кровать, хотя по тому, как мой четвероногий брат кружил и кружил за своим хвостом, я мог видеть, что он не в особом восторге от мягкости сего ложа.

ГЛАВА VIII

«ДОБРОГО УТРА НА ВЕСЬ ЕГО СРОК». — ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР С ГОСПОДИНОМ ХОЛОДНАЯ ДУША. — ЧУДЕСА ОЧКОВОЙ СТРАНЫ. — МЫ ВСТУПАЕМ В ГОРОД МИККАМЕНКИ. — КРАТКОЕ ЕГО ОПИСАНИЕ. — НАШЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ К КОРОЛЕВСКОМУ ДВОРЦУ. — КОРОЛЕВА ГАЛАКСА И ЕЁ ХРУСТАЛЬНЫЙ ТРОН. — СЛЁЗЫ ГОСПОДИНА ХОЛОДНАЯ ДУША.

Не думаю, чтобы тьма продлилась более трёх часов; быть может, и дольше, но господину Холодной Душе пришлось несильно потрясти меня, прежде чем он сумел растормошить.

— Ну, маленький барон, — произнёс он, пожелав мне доброго утра с обычной добавкой «на весь его срок», — если ты не против, я провожу тебя ко двору нашей милостивейшей повелительницы, королевы Галаксы. Наши мудрецы часто рассказывали ей о верхнем мире и об ужасных страданиях его обитателей, подверженных то замерзанию от безжалостной стужи, то сожжению от палящих лучей того, что они зовут своим солнцем, и она, без сомнения, соизволит обрадоваться при виде тебя, хотя я должен предупредить тебя, что ты весьма неблагоприятен, что кажешься мне столь чёрным и твёрдым, что едва ли подобен человеку — скорее, куску живой земли или скалы. Я сильно опасаясь, что ты заставишь наш народ сделаться чрезвычайно тщеславным по контрасту. Твоего четвероногого спутника мы хорошо знаем по виду, ибо часто лицезрели его окаменелый образ в породах тёмных пещер нашего мира.

— Господин Холодная Душа, — сказал я, пока мы шли, — когда ты узнаешь меня лучше, ты найдёшь меня более благообразным, и, хотя я не смогу показать тебе моё сердце, я надеюсь доказать тебе и твоим соплеменникам, что оно у меня есть.

— Несомненно, несомненно, маленький барон, — вскричал господин Холодная Душа, — но не обижайся. Мне не приятней говорить тебе эти неприятные вещи, чем тебе их слышать, но мне платят за это, и я должен отрабатывать своё жалованье. Тщеславие пышно разрастается в нашем мире, и я прокалываю его пузыри всякий раз, как их замечу.

К моему великому изумлению, я обнаружил теперь, что мир Миккаменки имел свои озёра и реки, подобно нашему, только, разумеется, они были меньше и с зеркальной гладью, ибо ни малейший зефир никогда не посещал их. На мой вопрос, населены ли они живыми существами, господин Холодная Душа сообщил мне, что они буквально кишат наивкуснейшей рыбой, как чешуйчатой, так и раковинной.

— Но не думай, маленький барон, — добавил он, — что у нас, в Очковой Стране, нет иной пищи, кроме той, что мы извлекаем из воды; ибо в наших садах произрастает много видов нежных овощей, всходящих в одну-единственную ночь и почти столь же лёгких, как пена, и столь же белых. Но мы мало едим, маленький барон, и редко находим нужду умерщвлять крупных моллюсков. Мы просто берёмся за его огромную клешню, которую он услужливо роняет в нашу ладонь и тотчас же пускается отращивать новую.

— Но скажи мне, прошу тебя, господин Холодная Душа, — спросил я, — где вы находите шёлк, чтобы ткать столь мягкие и прекрасные материи, как та, из коей сшито твоё одеяние?

— В нашем подземном мире, маленький барон, — отвечал господин Холодная Душа, — есть множество обширных углублений, куда не достигает Река Света, и в этих тёмных чертогах порхают взад-вперёд огромные ночные мотыльки, точно беспокойные духи, вечно на крыле; но, конечно, это не духи, ибо мы находим их яйца, приклеенные к скалистым стенам пещер, и заботливо собираем их. Гусеницы, что выводятся из них, прядут громадные коконы — столь большие, что один кокон не спрячешь в ладони, — и, размотанные, они дают нашим ткацким станам все нити, какие нужны.

— А прекрасная древесина, — продолжал я, — которую я вижу вокруг себя, вырезанная и обработанная во множество изделий, откуда она берётся?

— Из каменоломен, — ответил господин Холодная Душа.

— Из каменоломен? — повторил я с удивлением.

— Ну да, маленький барон, — сказал он, — ибо у нас есть каменоломни дерева, так же как у вас, без сомнения, есть каменоломни камня. Наши мудрецы говорят нам, что тысячи и тысячи лет назад обширные леса, росшие в вашем мире, были, при вздыбливании и обрушении земной коры, втиснуты в наш, и гигантские стволы, тесно сомкнутые, стоят торчмя, прямо, как они росли. По крайней мере, мы находим их такими, когда откапываем затвердевшую глину, замуравшую их на эти бессчётные века. Но взгляни, маленький барон, мы теперь вступаем в город. Вон там — королевский дворец; не прогуляться ли нам туда?

Ах, дорогие друзья, если бы только я мог заставить вас увидеть этот прекрасный город подземного мира таким, каким он предстал мне тогда, — раскинувшимся столь великолепно под сверкающими куполами и сводчатыми коридорами, откуда изливался на изысканно вырезанные и отполированные входы в жилые покои этого счастливого народа поток белого света, казалось, более ослепительного, чем наше полуденное солнце!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.